

Акад. А. И. Тюменев

ХЕРСОНЕССКИЕ ЭТЮДЫ

V. Херсонесские проксени

Ни по условиям своего возникновения, ни по условиям дальнейшего существования и развития Херсонес никогда не был собственно торговым центром. Поскольку регулярные сношения ни со скифами, ни с таврами не были налажены, он не мог играть и не играл, по крайней мере в течение всего эллинистического периода, посреднической роли в снабжении туземного населения предметами, ввозимыми из греческой метрополии. Местная промышленность, терракотовая¹ и керамическая, работала прежде всего на удовлетворение местного спроса, и сбыт ее не выходил за пределы города и его ближайших окрестностей. Вывозились преимущественно, и то в небольшом относительно количестве, только амфоры, служившие тарой при вывозе вина. Строительная керамика также потреблялась почти исключительно на месте; вывоз херсонесской черепицы в Керкинитиду и частью в Неаполь «носил ограниченный характер и в экономике Херсонеса не играл существенного значения (sic!), как это имело место в Синопе»². Херсонес сам в большом количестве импортировал черепицу из Синопа и частью из своей метрополии — Гераклея. К тому же самый период более усиленного III в. до н. э. соответственно времени более усиленного городского строительства. Уже во второй половине III в. производство черепицы в Херсонесе замирает и к середине II в. до н. э., по видимому, вообще прекращается³.

Внешняя торговля Херсонеса носила скорее пассивный, нежели активный, характер. Из Афин ввозилась художественная керамика, преимущественно краснофигурная и чернолаковая (изготовление чернофигурных ваз прекратилось задолго до возникновения Херсонеса, и поэтому вазы этого типа встречаются лишь в единичных экземплярах); терракоты, как этого типа встречаются лишь в единичных экземплярах); терракоты, как сказано, получались преимущественно из Малой Азии, но встречаются экземпляры и коринфского и танагрского типов. Из Малой Азии, из городов

¹ Следует заметить, что большая часть найденных в Херсонесе терракотовых фигурок — привозная, преимущественно из Малой Азии. Местные терракотовые изделия представляют частью подражание привозным, частью образуют самостоятельный тип. См. В. К. М а л ь б е р г, Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888—1889 гг., МАР, 7; Г. Д. Б е л о в, Терракоты Херсонеса из раскопок 1908—1914 гг., «Херсонесский сборник», III, Севастополь, 1931, стр. 217—245.

² Р. А х м е р о в, Клейменные черепицы древнего Херсонеса, ВДИ, 1948, № 1, стр. 162.

³ Р. А х м е р о в, ук. соч., стр. 168—169.

южного берега Черного моря ввозилась и черепица. Ввозились и другой строительный материал — мрамор, металлы, которых на месте не было. Большое число находимых в Херсонесе амфорных ручек, которые происходят с островов Родоса, Фасоса, Книда, Пароса др., свидетельствует о значительном импорте вина и оливкового масла; ввозились, очевидно, лучшие сорта вин, поскольку местное вино не удовлетворяло более изысканные вкусы.

Главный предмет вывоза составляло вино, но и вывоз вина производился лишь в очень ограниченных размерах. Вино вывозилось преимущественно в города западного побережья, в Керкинитиду и Калос Лимен, также в соседние скифские поселения, частью в Неаполь. Ручки с херсонесскими клеймами встречаются в других греческих городах Северного Причерноморья: Ольвии, Пантикапее, Фанагории, Феодосии, Танаисе; однако незначительное само по себе количество этих ручек совершенно ничтожно по сравнению, например, с числом клейм амфорных ручек в тех же городах из Синопа, Родоса, Фасоса и др. Из числа клейм эрмитажного собрания на 989 родосских клейм, 482 фасосских, 46 кипидских и 865 синопских¹ приходится всего только 25 херсонесских². Такое же соотношение дают и результаты последующих раскопок. Так, по данным раскопок в Тиритаке и Мирмекии в 1932—1934 гг. на общее количество обнаруженных при этих раскопках клейм амфорных ручек (в том числе 91 синопская и 46 родосских) херсонесских было только 3³. Общее количество ручек с клеймами, найденных в Керчи, показывает, что вывоз на Боспор из Синопа (свыше 4600 ручек с клеймами), с Родоса и Фасоса (по 1500 ручек) был еще много выше приведенных данных (там же).

Как в вывозе вина, так и в вывозе другого видного продукта местной добывающей промышленности — соли (Strabo, VII, 4, 7) Херсонес также совершенно не мог конкурировать с другими греческими городами. По свидетельству Диона Хрисостома (SC, I, 172), ольвиополиты поставляли соль не только большинству варварских племен Причерноморья, но также и эллинам и скифам, жившим на Таврическом полуострове⁴.

¹ Е. М. Придик, Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и черепицах Эрмитажного собрания, II, 1917, стр. 1—34, 132—136; 35—37, 121; 61—102, 138—140 (к синопским клеймам отнесены все нехерсонесские клейма с именами астиномов, которые Б. Н. Граков признает за синопские. см. Б. Н. Граков, Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, М., 1929, стр. 11—34).

² Там же, стр. 103—104, 140.

³ Е. М. Придик, Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекии в 1932—1934 гг., «Исследования по археологии СССР», IV (1941), стр. 173.

⁴ Показателем слабого развития торговли Херсонеса может служить обособленность монетной системы, сохранившей в Херсонесе более архаические, восходящие еще к финикийскому времени весовые единицы и стоящей в этом отношении особняком по сравнению с другими греческими городами Северного Причерноморья, смт А. Л. Бертье-Делагард, Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до р. Х., «Нум. сб.», I (1911), стр. 82—83. Различный характер экономики Ольвии и Херсонеса нашел отражение и в их религиозной идеологии. Религия Херсонеса носила определенно выраженный земледельческий характер. Помимо культа Девы — покровительницы города, и дорического героя Геракла, занесенного сюда, очевидно, из метрополии Херсонеса, самое имя которой происходит от имени этого героя, здесь нам известен прежде всего культ Диониса, покровителя земледелия и виноградарства; божества, призываемые в свидетели в тексте херсонесской присяги (Зевс, Земля, Гелиос), принадлежат также к земледельческому кругу. Совсем иной характер культов находим мы в Ольвии. Здесь встречается множество посвященных надписей в честь Аполлона в качестве протата (бога — покровителя колонистов) (IOSPE, I², №№ 80—119) и Аполлона Дельфиния (IOSPE, I², № 163, ср. № 189), специального покровителя моряков (см. И. И. Голстоу, Культ Аполлона на Боспоре и в Ольвии, ЖМНП, 1914, №№ 11—12). Особенно показателен тот

Значение Херсонеса возросло в римскую эпоху, однако не столько как торгового центра, сколько как центра римской оккупации для всего Северного Причерноморья¹. Херсонес распространяет теперь свое влияние не на западное побережье Крыма, занятое скифами и другими вторгшимися на полуостров племенами, но в восточном направлении, вдоль южного берега Крыма. Во второй половине IV в. н. э. ему принадлежали Гавань Символов (Балаклава) и важнейшая гавань южного берега — Феодосия². От конца IV или начала V в. сохранилась надпись, говорящая о предоставлении Херсонесу императорами Феодосием, Гонорием и Аркадием права торговых сношений с восточными областями империи³.

В доказательство развития торговли Херсонеса нередко ссылаются на наличие большого числа декретов о проксении, предоставляемой гражданам других городов⁴. Однако именно ближайшее ознакомление с текстом этих проксений и с обстоятельствами, при которых они издавались, приводит нас к совершенно противоположному выводу, к выводу о незначительной роли торговли и торговых интересов в жизни города.

Декретов о даровании проксении иногородним гражданам в Херсонесе сохранилось сравнительно много, а именно 22 декрета — число, превышающее число аналогичных декретов из других городов Северного Причерноморья. Из них 9 надписей представляют фрагменты, содержащие лишь заключительную часть с формулой дарования проксении, причем мотивировка дачи проксении в них не сохранилась. По времени декреты о даровании проксении распределяются следующим образом: три (в том числе один настолько фрагментирован, что можно только предполагать, что речь идет о проксении) относятся к III в. до н. э. (№№ 340, 341, 345), два — к концу II в. до н. э. (№№ 349 и 351), остальные (в том числе и все дефектные) принадлежат уже римскому времени. По происхождению (этникон) лиц, получающих проксению, первое место занимает метрополия Херсонеса Гераклея (три декрета), затем следуют Синоп (две проксении) и Амастрия (одна проксения). Все эти проксении, за исключением одной синопской, относятся к римскому времени. К эллинистической эпохе, именно к III в. до н. э., помимо названной синопской, принадлежат одна проксения, данная родосцу, и одна — ольвиополиту. В остальных указание

факт, что именно Ольвия являлась главным центром культа Ахилла Понтарха (IOSPE, I², №№ 130—146), обожествленного героя, занимавшего исключительное место в представлении греческих моряков, плававших в водах Понта (см. И. И. Толстой, О-в Белый и Таврика, Пб., 1918, стр. 13, 16, 67 сл.). Судя по часто встречающимся на монетах изображениям, большим почитанием в Ольвии пользовалось также божество реки Борисфена. Перед этими божествами, имена и изображения которых особенно часто встречаются в посвятельных надписях и на монетах Ольвии, остальные божества отступают на задний план и встречаются лишь спорадически; характерно, что и эти божества, занимающие второстепенное место среди культов Ольвии, обычно также появляются в преобразованном виде — в качестве покровителей мореплавания и торговли: Афродита в качестве Ἀφροδίτη Ἐπλοία — божества благополучного плаванья и торговли (IOSPE, I², № 168), Гермес в качестве «рыбного» (Ἀγοραῖος) [Гермеса] (IOSPE, I², №№ 128, 129), даже на монетах с изображением Деметры обычными эмблемами ее являются колос и дельфин (ср. ИАК, 27, 1908, стр. 102).

¹ Именно в этом значении военно-административного центра римских вооруженных сил Херсонес и занесен (один из всех городов не только Крымского полуострова, но и всего кавказского побережья Черного моря) на карту первой половины III в. н. э., найденную при раскопках в Дура Европос.

² М. Шангин, Новый географический текст, ВДИ, 1938, № 4, стр. 252—255. Этими новыми данными подтверждается вызвавшее ранее сомнения сообщение Константина Багрянородного о захвате в IV в. н. э. херсонесцами г. Кафы (Феодосии).

³ Надпись опубликована впервые В. В. Латышевым в 1918 г. (ИАК, 65, стр. 16), но, за исключением нескольких слов, не была им прочтена. Полнее прочтена и комментирована эта надпись М. Шангиным (ВДИ, 1938, № 3, стр. 81—83).

⁴ См., например, Г. Д. Белов, Херсонес Таврический, стр. 64 сл.

на происхождение лица, получающего проксению, не сохранилось. Сопоставляя время выдачи проксений с аналогичными данными распределения проксенических декретов Ольвии по времени их издания, получаем для Ольвии совершенно обратную картину: из ольвийских проксений одна относится к V в. до н. э. (IOSPE, I², № 20), три — к IV в. (№№ 21, 22, 23), три — к III в. (№№ 27, 28, 30), одна — ко II в. (№ 33) и одна (№ 35) — к I в. до н. э.; от римского времени в Ольвии имеется только одно постановление о дачи проксений, относящееся к позднему времени, именно к времени Септимия Севера. Получается впечатление, что внешние связи Херсонеса, незначительные в эллинистическую эпоху, оживляются только в римское время, тогда как, напротив, внешние связи Ольвии, обширные в классическую и эллинистическую эпохи, в эпоху расцвета понтийской торговли, к началу римской эпохи, — сокращаются и падают. Весьма показательна прежде всего такая незначительность внешних связей Херсонеса именно в эпоху расцвета понтийской торговли. Обращает на себя внимание и ограниченность района, внутри которого распределялись все декретированные херсонесцами проксении, этникон которых нам известен. За исключением самой ранней проксении, данной родосцу, все остальные проксении не только не выходили за пределы черноморского побережья, но и в пределах Черного моря ограничивались почти исключительно метрополией Херсонеса — Гераклеей и непосредственно примыкающей к ней областью (Пафлагонией) с городами Амастрией и Синопом, в чем нельзя также не видеть свидетельства скромной роли Херсонеса во внешних, в частности торговых, сношениях между греческими городами.

Наконец, самые проксении далеко не всегда давались с торговыми целями, и поэтому факт декретирования их сам по себе еще не может служить показателем торговых связей города. Дача проксений представляла обычное явление во внешних сношениях городов, стоявших в стороне от междугородней торговли и далеких от того, чтобы быть торговыми центрами. Многих проксений имела Спарта, Аркадский союз и отдельные входившие в него города, Этолийский союз, союзы акарнанов и энианов, этолийское племя молоссов и пр.¹ Поводы к даче проксений могли быть самые различные. Проксении давались царям и другим правителям². Для Афин и для Спарты дача проксений была прежде всего средством распространения и укрепления своего влияния³. Часто проксении служили определенным дипломатическим и политическим целям⁴. Иногда проксении давались за те или иные материальные услуги и помощь, оказанную городу⁵. Обычны были проксении, дававшиеся религиозными центрами в связи с отправлением феорий и по другим поводам⁶. Права проксенов

¹ Монсеаух, *Proxénies grecques*, Paris, 1886, стр. 146 сл.

² Примером могут служить проксении Афин македонскому царю Александру (Нег., VIII, 136), Стратону сидонскому (SIG³, № 185), дельфийские проксении Филиппу македонскому (SIG³, № 221 В), Котилу фракийскому (SIG³, № 438), Перисаду боспорскому (SIG³, № 439), спартанскому царю Арею (SIG³, № 430), Селевку II (OGIS, № 228), проксении Эритру Мавзолу Галикарнасскому (SIG³, № 168), Делоса — Набиду спартанскому (SIG³, № 584) и др.

³ Монсеаух, ук. соч., стр. 300, ср. стр. 65 сл. и 146 сл.

⁴ Афиняне дают проксению двум селимбрийцам в связи с обстоятельствами военного времени (SIG³, № 112); Аркадский союз — афинянину Филарху вскоре после битвы при Мантинее (SIG³, № 183), Эретрия — трем приближенным Деметрия Полиоркета (SIG³, № 348), Родос — Сулле в 82 г. во время войны с Митридатом (SIG³, № 345), г. Одесс за услуги при сношениях со скифским царем Канитом (RIG, № 332).

⁵ Например, г. Ороп дает проксению лицу, одолжившему средства, необходимые на построение стен.

⁶ Ряд примеров дельфийских проксений приведен выше. Число дельфийских проксенов было особенно велико (см. список дельфийских проксенов SIG³, № 585). Значительное число проксенов имели и другие общегреческие святилища — Апол-

получали граждане городов, входивших в амфикионию¹. Почетные декреты с дарованием прав проксении получали, наконец, поэты за прославление данного города, историки, географы, врачи².

Соответственно различным целям различны были и формулы мотивировки дачи проксений. Для проксений, имевших в виду торговые отношения, характерно указание на услуги, оказываемые гражданам, приезжающим в город проксена. В других случаях, а таких большинство, применяются иные формулы, составленные либо в общих выражениях (*ἀνὴρ ἀγαθός, καλὸς κάγαθός*), либо с указанием на благожелательность (*εὖνοια, προθυμία*), на дружбу и союз (*φίλος καὶ σύμμαχος*), на действия или советы в пользу города (*λέγων καὶ πράττων τὰ συμφέροντα τῷ δήμῳ τῶν... λέγων καὶ συμβουλευῶν τὰ βέλτιστα* и т. п.), на благочестие (*εὐσέβεια, πρὸς τοὺς θεοὺς εὐσέβεια*)³.

Относительно поводов, по которым издавались херсонесские декреты о проксении, мы можем судить только на основании сравнительно небольшого числа этих декретов, в которых сохранилась мотивировочная часть. От эллинистической эпохи, когда торговля понтийских городов была еще достаточно оживленной, хотя уже и начинала клониться к упадку, мы имеем два декрета о даровании проксении (не считая одного фрагмента)⁴. Первый из этих декретов, изданный на рубеже IV и III вв. до н. э. на имя родосца Тимагора, отличается краткостью, и хотя дошел до нас полностью и в лучшей сохранности по сравнению с остальными, но не содержит в себе никакой мотивировки (IOSPE, I², № 340). Поскольку именно Родос по всем данным занимал в это время особ. видное место во внешней торговле Херсонеса, возможно, что издание этого декрета имело в виду именно торговые интересы, хотя прямых указаний на это в нем и не содержится. С другой стороны, те же данные показывают, что роль Херсонеса в торговле с Родосом была почти исключительно пассивной. Текст декрета не содержит никаких упоминаний об услугах, оказываемых гражданам Херсонеса, приезжающим на Родос, и возможно, что такое умолчание не является случайным. К III в. до н. э. относится декрет в пользу ольвиополита... сына Евтия (№ 345). От декрета сохранился лишь небольшой фрагмент, так что и самая резолютивная часть с указанием дачи проксении отсутствует. Мотивировка составлена в общих выражениях (по восстановлению В. В. Латышева: *ἀνὴρ ἀγαθός ἐστι... καὶ εὖνον ἐαυτὸν παρέχει*) и также не содержит указания на посещение Ольвии херсонесцами. Что касается двух относящихся к следующему, II в. до н. э., декретов, то в них уже определенно выступают политические цели, с которыми они были изданы. Один из них на имя синопта Менофила, сына Менофила (№ 351), повидимому, находится в связи с заключением договора с Фарнаком⁵.

лона на Делосе, Зевса в Олимпии, самофракийских кабиров и др. (M o n s e a u x, ук. соч., стр. 286 сл., 292 сл., 296 сл.). Известны далее проксении, выданные святилищем Асклепия в Эпидавре (RIG, № 174).

¹ M o n s e a u x, ук. соч., стр. 267.

² Так, например, Пиндар получил право проксена от афинян (I s o c r., Antidosis, 166); поэтессы Аристодама — от ламийцев (SIG³, № 532) и Алкиноя — от теосцев (SIG³, XII, 5, № 812); Ксенофонт был проксеном Спарты, афинянин Филарх — проксеном Аркадской конфедерации; Никандр из Колофона получил проксению от дельфийцев; Демотел с Андроса — от делосцев и др. (M o n s e a u x, ук. соч., стр. 302—304).

³ W. L a r f e l d, Handbuch der griechischen Epigraphik, II, Lpz., 1907, стр. 737 сл.

⁴ IOSPE, I², № 340 и 345; от № 341 сохранилось лишь несколько разрозненных строк, так что самый факт дарования проксении в данном декрете можно лишь предполагать.

⁵ Судя по тождеству имени одного из должностных лиц, предложивших этот декрет, с именем лица, упоминаемого в должности басилевса в тексте договора с Фарнаком.

В декрете дается очень обстоятельная, но малосодержательная мотивировка: «Так как Менофил, сын Менофила, муж добрый и любочестный к народу херсонесскому, всегда благородно предоставляющий себя в распоряжение и вообще и в частности имеющим с ним дело гражданам, выказывает себя благорасположенным и готовым к услугам¹, стараясь всегда явиться виновником какого-нибудь блага, и свое пребывание в Херсонесе сделал олагоприличным и полезным для народа, ни в чем не проявляя недостатка в рвении и любочестии, обещает же и впредь быть виновником какого-нибудь блага». Декрет в честь Менофила по времени, как сказано, совпадает с заключением договора с Фарнаком Понтийским (IOSPE, I², № 402), который Р. Х. Лепер (ИАК, 45, стр. 23—39) ставит в связь с событиями 183/2—180/79 гг., когда Фарнак завладел Синопом, Котиорой и Керасунтом и угрожал метрополии Херсонеса Гераклее; договор и имел, повидимому, целью урегулировать взаимоотношения с Фарнаком. Поэтому имеются все основания предполагать, что проксения дана была синопцу в расчете на его содействие в сношениях с царем Понта; на это, быть может, намекает и заключительная фраза мотивировки, выражающая надежду, что Менофил и впредь обещает «быть виновником блага» для херсонессцев².

К концу II в. до н. э. относится следующий по времени декрет о проксении (№ 349). Проксения дана была лицу, ни имя (сохранились только две начальные буквы его имени Μη...), ни этникой которого неизвестны; в тексте, однако, имеется прямое указание, что это был посол царя Митридата, уладивший взаимоотношения между царем и Херсонесом в обоюдных интересах. Посольство это, надо полагать, стояло в связи с критическими обстоятельствами, переживавшимися тогда Херсонесом, и, вероятно, предшествовало посылке экспедиции с Диофантом во главе.

После победы Цезаря над Фарнаком внешняя политика Херсонеса ориентируется на Рим. Ключ к пониманию позднейших надписей, касающихся проксении, дает надпись времени диктаторства Юлия Цезаря (IOSPE, I², № 694). Надпись посвящена некоему Гаю Юлию Сатиру, принятому в херсонесское гражданство «при отцах» (πολίτας ποιηθεὶς ἐπὶ τῶν πατέρων ἀμῶν — стк. 5—6), причем в заслугу ему ставится выполнение посольства к римскому сенату и диктатору Гаю Юлию Цезарю. Херсонес, которому поражение Фарнака сулило освобождение от власти Боспора, был, очевидно, заинтересован в выяснении создавшегося в результате этого поражения положения. В отношении личности Сатира интересно, что он был, во-первых, πολίτας ποιηθεὶς, по всей вероятности, и не живший в городе, и, во-вторых, что он получил римское гражданство, недешево продававшееся в это время, приняв при этом раеномен и помен

¹ Выражение κατ' ἴδιαν τοῖς ἐντοχάχοισι τῶν πολιτῶν отнюдь не тождественно с указанием на услуги приезжающим (ἀφικνουμένοις) в город проксена гражданам, тем более, что речь идет о лице, проживавшем некоторое время в самом Херсонесе.

² Р. Х. Лепер в комментариях к изданию надписи (ук. место, стр. 43) высказывает на основании формы написания некоторых букв предположение, что Аполлодор, сын Герогита, упоминаемый в декрете на имя Менофила, не тождествен с «царем» Аполлодором, фигурирующим в договоре с Фарнаком, но приходился внуком последнему. Против такого предположения, однако, возражает В. В. Латышев в комментарии к надписи (стр. 296: «Nobis tamen litteratura non videtur impedire, quoniam utrumque titulum ad unam referamus aetatem»). Но если даже и согласиться с предположением Р. Х. Лепера и относить проксению Менофила к последним десятилетиям II в., то в таком случае политическая цель декрета должна выступить еще определеннее, поскольку именно в этот критический момент, когда над Херсонесом нависла непосредственная угроза со стороны скифов и он вынужден был искать помощи у Митридата Понтийского, услуги синопца Менофила должны были представлять еще более необходимыми.

фамилии Цезаря. Факт обращения к посредничеству лица, не являвшегося гражданином города (вероятно, проксена), сам по себе свидетельствует о незначительности внешних связей Херсонеса в эту эпоху. Значительная часть остальных проксений, относящихся к римскому времени, мотивируется также посредничеством в обращении к римским властям в связи с теми или иными политическими обстоятельствами. Ко времени Августа относится декрет о даче проксении римлянину Корнелию Пуденту (IOSPE, I², № 356), причем в декрете специально подчеркиваются действия последнего в пользу и в интересах Херсонеса. Из декрета не видно, в чем именно заключались услуги, оказанные Пудентом Херсонесу и его гражданам, но несомненно, что они имели прежде всего политический характер.

Наибольшее число херсонесских проксенических декретов римского времени приходится на граждан метрополии Херсонеса — Гераклеи; из них в двух проксения дается индивидуально отдельным гражданам Гераклеи, а третий обращен к двум «отцам гераклеотам». Первый из этих декретов — в честь Фрасимеда, сына Фрасимеда, изданный на грани I и II вв. н. э. (IOSPE, I², № 357), в мотивировочной части не содержит никаких указаний на специальные услуги, оказанные Фрасимедом Херсонесу, и свидетельствует лишь о сохранении тесных взаимоотношений, существовавших между Херсонесом и его метрополией. В мотивировке отмечается «достопочтенное пребывание» Фрасимеда в Херсонесе (*σεμνὰν τὰν ποθ' ἀμὲς ἀναστροφὴν τὰς ἐπιδαμίας πεποιάται*), его отношения к гражданам города, какие подобают отцам в отношении детей (*οἷα πατέρων ἀγαθῶν πρὸς υἱοὺς φιλοστόργους εἶχεν εὖνοιαν*), пышные жертвоприношения с его стороны местным божествам¹. Совершенно аналогичную, хотя и составленную в менее определенных выражениях, мотивировку содержит и другой точно датированный 129/130 г. н. э. декрет о проксении на имя гераклеота Диа..., сына Деметрия (IOSPE, I², № 359)². И здесь отмечается *καλοκἀγαθία* его во время пребывания в Херсонесе и родственная любовь, выказываемая им и после того к гражданам Херсонеса (*καὶ νῦν ποτὶ τοὺς πολεΐτας ἀγαπᾶν γνασίαν ἐνδείκνυται*), и, наконец, приносимая им городу польза. Если оба рассмотренных декрета служат лишь выражением добрых отношений, поддерживаемых с метрополией, и не содержат, по крайней мере, никаких прямых указаний на те или иные экономические или политические услуги³, то в третьем уже вполне определенно идет речь о посредничестве двух «отцов гераклеотов»: Гераклида, сына Менесфея, и Прокла, сына Мемнона, перед императором Антонином (IOSPE, I², № 362). Уже из обращения к «отцам гераклеотам» можно видеть, что и в данном случае в херсонесском декрете прежде всего подчеркивается отношение колонии к метрополии. Именно из «родственного сочувствия» (*οἰκείωι πάθει*) они проявили заботу о «спасении» херсонесцев (*τὰ ὑπὲρ τὰς ἀμετέρας*

¹ Ср. Р. Х. Д е н е р, Херсонесские надписи, ИАК, 45 (1912), стр. 55: «Интересно отметить теплый тон в отношении Гераклеи, в которой херсонесцы и в это время еще чтут свою метрополию, и указание на закон исполитии с Гераклеей».

² Относительно датировки этого документа см. В. В. Л а т ы ш е в, ЖМНП, 1907, март, стр. 143 сл. = Pontika, стр. 317 сл.

³ Г. Д. Б е л о в, Херсонес Таврический, стр. 107, на основании этих двух декретов высказывает предположение, что «Гераклею и Херсонес связывали не столько родственные чувства, сколько экономические и политические интересы». Следует заметить, однако, что и в данных декретах в мотивировочной части отсутствует характерное для проксений, дававшихся в связи с торговыми («экономическими») интересами, указание на помощь, оказываемую приезжающим в Гераклею гражданам Херсонеса. Напротив, оба гераклеота сами подолгу проживали в Херсонесе. Если и предполагать при этом, что они занимались в Херсонесе торговыми делами, на что прямых указаний в тексте декрета нет, то и это обстоятельство представляло бы лишнее свидетельство в пользу пассивного характера внешней торговли Херсонеса.

σωτηρίας ἐποῶσαντο φροντίδα), снарядили посольство «отцу нашему и владыке» императору Титу Элию Адриану Антонину. Результатом именно этого посольства и было получение Херсонесом долгожданной «свободы» от Веспора, «свободы», обеспеченной возвращением римского гарнизона. Документ этот свидетельствует не только о «сыновних» отношениях херсонесцев к Гераклею, но и об их собственной внешнеполитической слабости, так как для достижения положительных результатов в их ходатайстве о «свободе» пришлось прибегать к содействию граждан Гераклея. В этом отношении характерно, что собственный представитель херсонесцев Аристон, сын Аттина, посланный в Рим до вмешательства гераклеяцев, провел там шесть лет, но совершенно безрезультатно (IOSPE, I², № 423).

Ко II в. н. э. относится проксения, данная синопскому навклеру Г. Каю Евтихиану (IOSPE, I², № 364). Мотивировка декрета о даче этой проксении составлена в неопределенных выражениях: в заслугу Евтихиану ставится любовь к городу херсонесцев, выказанная им во время проживания в Херсонесе, причем он «счел достойным и сам принять участие в происходящих у нас делах» (*ἄξιον ἀγάσασθαι καὶ αὐτὸς τῶν παρ' ἡμῶς γεινομένων ἔργων*). Хотя в этом декрете и идет речь о навклере, однако как умолчание о херсонесцах, приезжающих в Синоп, и факт проживания синопского навклера в Херсонесе, с одной стороны, так и отсутствие в заключительной части обычного для проксений, дававшихся в связи с производством торговых операций, упоминания о праве беспрошленного ввоза и вывоза товаров, с другой — свидетельствуют как о пассивности, так и в то же время и о малой интенсивности внешней торговли Херсонеса.

В первой половине II в. н. э. дана была проксения амастрийцу Фарнаку, сыну Фарнака (IOSPE, I², № 358)¹. Мотивировочная часть этого декрета не сохранилась, за исключением нескольких слов (точнее, фрагментов слов), которые показывают, что и в этом случае мотивировка носила общий неопределенный характер (сохранились и восстановлены слова: *[πάσαις ἀρεταῖς κε]χοσμημένο[ν]...*). К этому же времени относятся два проксенических декрета, начало которых не сохранилось (IOSPE, I², №№ 376 и 377). В первом из этих декретов речь идет, по видимому, о каком-то враче, поскольку стела, на которой был вырезан декрет, поставлена была в храме Асклепия. Мотивировочная часть второго декрета, насколько можно судить по отдельным сохранившимся словам, составлена в самых общих выражениях со ссылкой на врожденную *καλοκάγαθία*, на «красоту души» (*ψυχῆς ἀγαθότητα*) лица, получающего проксению. От остальных проксенических декретов (IOSPE, I², №№ 378—383) сохранилась лишь резолютивная часть; как поводы дарования проксений в этих декретах, так и имена получающих проксению лиц остаются, таким образом, неизвестными. Для характеристики и определения значения херсонесских проксенических декретов и резолютивная часть их представляет несомненный интерес, но к этому вопросу мы обратимся ниже.

Общее впечатление, получаемое в результате рассмотрения херсонесских декретов о даче проксении иногородним гражданам, это скорее впечатление внешней слабости Херсонеса, нежели обширности его внешних торговых связей. Большинство декретов, в которых мотивировочная часть сохранилась, обуславливаются различными политическими услугами, и прежде всего ходатайствами в поисках военной помощи или в хлопотах о «свободе» в римскую эпоху. Если в некоторых отдельных декретах и можно предполагать ту или иную связь с производством торговых опе-

¹ Декрет этот, судя по именам фигурирующих в нем лиц, недалеко отстоит по времени от декрета на имя гераклеяца Диа ..., точно датированного 129/130 г.

раций, то и предполагаемое отношение этих декретов к торговле свидетельствует лишь о пассивности и относительной незначительности торговых отношений и связей Херсонеса. При этом, если не считать проксении, данной родосцу еще в ранний эллинистический период, когда именно Родосу принадлежала доминирующая роль в торговле, в частности в торговом ввозе в Херсонес, остальные позднейшие проксении ограничиваются городами южного побережья Черного моря — Гераклеей, Синопом, Амастрией. Поскольку относительно некоторых из этих декретов можно делать предположения о связи с торговой деятельностью получающих их лиц, из этого обстоятельства в свою очередь можно заключить, что именно эти три города в римскую эпоху держали в своих руках внешнюю торговлю Херсонеса, за исключением, быть может, римского импорта.

Совсем иную картину дают проксенические декреты, даруемые иногородним гражданам в Ольвии. Не случаен прежде всего, как уже отмечалось выше, самый факт, что все акты о проксении, исходившие из Ольвии, относятся ко времени расцвета понтийской торговли и затем обрываются в прямой связи с упадком этой торговли. Большая часть ольвийских декретов о проксении дошла в испорченном виде, и потому этникон лиц, получающих права проксенов, в большинстве случаев остается неизвестным. В декретах, где этникон сохранился, называются Месембрия (IOSPE, I², № 20), остров Левка (IOSPE, № 26), Каллатис (№ 27), Родос (№ 30), Амис (№ 35). Эти отдельные случайно сохранившиеся данные не дают еще возможности судить об обширности района торговых сношений Ольвии¹. Зато чрезвычайно показательной и характерной представляется мотивировочная часть ольвийских декретов о проксении в тех из них, в которых эта часть сохранилась. В Херсонесе, как мы видели, ни один из декретов о даче проксении не мотивируется ссылкой на услуги и помощь, которые оказывались бы херсонесцам, приезжавшим в город проксена. В соответствующих декретах Ольвии, относящихся к классическому и эллинистическому времени, во всех случаях мотивировка дачи проксении (в остальных документах мотивировочная часть или вообще отсутствует в тексте, или же не сохранилась) она сводится прежде всего именно к указанным мотивам — содействию приезжающим в город проксена гражданам Ольвии (см. №№ 26, 27, 28, 30). В декрете на имя какого-то жителя острова Левки (№ 26)² характерна мотивировка именно тем обстоятельством, что он «оказывает услуги тем из народа ольвиополитов, которые приплывают на священный остров Левку». Совершенно такая же мотивировка дается и в двух декретах, один из которых дан каллатианцу, другой лицу, указание на этникон которого не сохранилось (*τοῖς ἀφικνουμένοις τῶν πολιτῶν εἰς Κάλλατιν χρεῖαι παρέχεται μετὰ πάσης φιλοτιμίας*, №№ 27, 28). В декрете на имя родосца (имя не сохранилось, № 30) дача проксений мотивируется пользой, приносимой им гражданам Ольвии.

С конца эллинистической эпохи и затем в римское время не только резко падает число дававшихся ольвиополитами проксений, но изменяется и самый их характер. В это время одновременно с падением торговли Ольвии и внешнеполитическое положение ее, в связи с миграционными процессами, происходившими в среде местных племен, становится таким же непрочным и неустойчивым, как и в Херсонесе; дача проксений объясняется теперь и здесь прежде всего политическими мотивами. В де-

¹ В этом отношении, не говоря об археологических данных, гораздо больше дают надписи, упоминающие ольвиополитов, являвшихся проксенами других греческих городов, о чем речь будет ниже.

² От заключительной части сохранилось лишь постановление об увенчании этого жителя Левки, однако, по аналогии с другими проксеническими декретами, можно предполагать, что ему дана была также и проксения.

крете на имя гражданина Амиса (сохранилось лишь патронимическое имя его — «сын Филократа») отмечаются какие-то услуги, оказанные им городу в сношениях с Митридатом Евпатором. Такими же мотивами чисто политического характера обусловлен и проксенический декрет, относящийся к значительно более позднему времени, данный на имя Агафокла, грека, служившего в римском войске со званием «эвоката Августа»¹.

О более или менее широком развитии торговли свидетельствуют также и данные о проксении и из других греческих причерноморских городов. Имеются проксенические декреты из г. Одесса (RIG, № 332), два декрета из г. Истрии — один на имя гражданина г. Аполлонии, другой на имя какого-то менялы (*κολλυβιστής*)² с дарованием ему права беспошлинного производства обмена в Истрии, обстоятельство, также свидетельствующее о развитии торговли в этом городе. Из Боспора (Пантикапея) сохранилось относительно небольшое число проксений (IOSPE, II, №№ 1—5), в том числе три декрета афинянам и два халкедонцам. Такое небольшое число боспорских проксений, повидимому, обуславливалось существовавшей там формой правления (проксении даются не по постановлению булэ и народного собрания, но от имени царя Перисада I и др.). Поскольку с проксенией связывался при этом беспошлинный ввоз товаров (*ἄτελεῖα χρημάτων*), притом не только со стороны самого проксена, но и его «слуги» (агента), торговый характер этих проксений также не подлежит сомнению.

Не меньшее значение, чем мотивировка декретов о проксении, для определения их характера имеет заключительная, резолютивная часть, в которой перечисляются преимущества и привилегии, даруемые проксену. И в этой части херсонесские декреты не менее резко отличаются от ольвийских. Резолютивная часть во всех херсонесских декретах выражается одной и той же стереотипной фразой, редакция которой с течением времени дополняется, но в основном остается одной и той же. Наиболее краткую формулировку содержит самый ранний, относящийся к концу IV — началу III в. декрет на имя родосца Тимагора: «Дать Тимагору, сыну Никагора, проксению и гражданство («политию») самому и роду его и право въезда и выезда (собственно — приплытия и отплытия) им самим и имуществу их в военное и мирное время» (IOSPE, I², № 340). Несколько более раскрыта формула последующих декретов эллинистического времени: «восхвалить за это... и дать ему и потомкам проксению, политию, право приплытия и отплытия без ущерба и без договора (*ἄσυλῆι καὶ ἀσπονδῆι*) им самим и имуществу в мирное и в военное время» (IOSPE, I², № 349). Еще более распространенную формулу резолютивная часть проксенических декретов получает в римскую эпоху: «восхвалить... и дать гражданство проксении (*προξενίας πολιτείαν*), право приплытия и отплытия в мирное и военное время без ущерба и без договора ему самому и потомкам и имуществу, и участие (в государстве) во всем, в чем участвуют и херсонесцы (или «жители города» — *ἑστοί*)»³.

Из текста резолютивной части для нас специальный интерес представляют те места, где говорится о праве свободного въезда и выезда как в мирное, так и в военное время без ущерба и без договора, — места, формулированные вполне тождественно в декретах как эллинистического, так и римского времени. Совершенно иначе и более полно излагается аналогичное право в ольвийских декретах о проксении. Уже в самых ранних де-

¹ См. С. С. Дложевский, Новый ольвийский декрет на честь Агафокла: эвоката, «Юбилейний збірник на пошану акад. Д. І. Багалія», Київ, 1927, стр. 310—315.

² См. V. Pargvan, Fouilles d'Histria, Inscriptions, Troisième série, «Dacia», II, Bucarest, 1925, №№ 8 и 9.

³ IOSPE, I², №№ 357, 358, 359 и пр. Та же формула во всех фрагментированных декретах, начальная мотивировочная часть которых не сохранилась, см. № 376 сл.

кретах, начиная с V в. до н. э., право это формулируется прежде всего как право торгового ввоза и вывоза, о чем совершенно умалчивается в херсонесских декретах. В относящемся к V в. декрете на имя месембрийца Хэригена дается следующая пространная формулировка прав, связанных с даруемой проксенией: «Ольвинополиты дали Хэригену, сыну Метродора, месембрийцу, самому и его потомкам, проксению, право гражданства, освобождение от пошлин на все товары, какие бы он ни ввез или вывез, он сам, или дети его, или братья, у которых отцовское имущество общее [не разделенное], или слуга; дали и право приплытия и отплытия и в военное и в мирное время без ущерба и без договора» (IOSPE, I², № 20). Ввиду существенного значения, какое имеет эта формулировка прав ввоза и въезда, привожу ее полностью в оригинале: ἀτέλειαν πάντων χρημάτων ὧν ἂν αὐτός εἰσάγῃ ἢ ἐξάγῃ ἢ παῖδες ἢ ἀδελφοὶ οἷς κοινὰ τὰ πατρῷα ἢ θεράπων καὶ εἰσπλοῦν καὶ ἐκπλοῦν καὶ ἐμ πολέμῳ καὶ ἐν εἰρήνῃ ἀσυλεῖ καὶ ἀσπονδεῖ. Совершенно сходную формулировку находим и в декрете о проксении, относящемся к IV в. до н. э., на имя Дионисия (имя отца и этникон не сохранились) (№ 24). Здесь право беспошлинного ввоза и вывоза товаров дается самому проксену, его детям и слугам (агентам), и также наряду с этим оговаривается право беспрепятственного въезда и выезда в мирное и в военное время. Тожественную формулировку находим и в относящемся также к IV в. декрете, текст которого сохранился в сильно фрагментированном виде¹. Из двух декретов III в. в одном, данном каллатинцу Навтиму, сыну Пасида (№ 27), говорится лишь о праве беспрепятственного приплытия и отплытия, обстоятельство, объясняемое, вероятно, тем, что, оказывая содействие гражданам Ольвии, приезжавшим в Каллатис, он сам в то же время торговых дел в Ольвии не вел (надо думать, что вообще участие в ольвийской торговле Каллатиса, относительно не большого и недалеко отстоявшего от Ольвии города, не было ни особенно активным, ни интенсивным). В другом декрете III в. (№ 28) дается сокращенная формула: беспошлинность (ἀτέλεια) и право приплытия и отплытия в мирное и военное время. Дача проксении связана с услугами приезжающим в город проксена гражданам Ольвии. Имя и этникон лица, получающего проксению, не сохранились. В остальных декретах эллинистического времени (№№ 29, 30), равно как и в декрете на имя гражданина Амиса I в. до н. э. (71/70 г.?) (IOSPE, I², № 35) резолютивная часть не сохранилась. Наконец, в декрете о проксении, данной эвокату Агафоклу, времени Септимия Севера, изданном, как отмечалось выше, определенно с политическими, а не с торговыми целями, пункт о беспошлинном ввозе и вывозе товаров, естественно, отсутствует и дается лишь право беспрепятственного приплытия и отплытия из города.

Уже сопоставление формулировок резолютивных частей херсонесских и ольвийских декретов показывает, что различие между ними не сводится к различию в способе выражения. Формула относительно беспрепятственного приплытия и отплытия с имуществом, притом в совершенно тождественных выражениях, повторяется и в ольвийских декретах. Формула относительно беспошлинного ввоза и вывоза товаров, совершенно отсутствующая в херсонесских декретах, в ольвийских декретах, таким образом, представляет собою не замену, а дополнение к формуле о беспрепятственном приплытии и отплытии. В тех случаях, когда при даче проксении не предусматриваются торговые привилегии, эта дополнительная формула опускается и в ольвийских декретах. Таким образом уже из простого

¹ IOSPE, I², № 23; в другом декрете IV в. до н. э. (№ 22) сохранилась лишь вторая половина резолютивной части — относительно беспрепятственного приплытия и отплытия.

сопоставления херсонесских и ольвийских декретов можно сделать вполне определенный вывод, что дача проксении в Ольвии в большинстве случаев обуславливалась торговыми интересами; в проксенических же декретах Херсонеса этот момент совершенно отсутствует.

Вывод этот вполне подтверждается и данными проксенических декретов других греческих областей и городов. В проксенических декретах метрополии мы находим не только те же предоставляемые проксенам права, но в основном и те же (лишь с некоторыми видоизменениями редакции) формулировки этих прав. Право беспрепятственного въезда и выезда в мирное и в военное время встречается или отдельно, как в херсонесских декретах, или же в соединении с правом беспошлинного ввоза и вывоза, как в ольвийских декретах. И характерно, что и в греческой метрополии первое право обычно содержится точно так же в декретах городов и областей, находившихся в стороне от торговых путей и не принимавших сколько-нибудь активного участия во внешнем междугороднем торговом обмене: в декретах Аркадского союза (RIG, № 191), в частности Тегеи (там же, № 501), в декретах Беотийского союза (SIG³, № 179), в дельфийских декретах (SIG³, №№ 267—269), в декрете г. Халейона (в Локриде) (RIG, № 288), в декретах г. Оропа в Беотии (SIG³, №№ 258, 544), фессалийских городов Ламии (SIG³, № 532) и Краннона (RIG, № 308), в декретах эпитропов (RIG, № 318), Акарнанского союза (SIG³, № 669), союза эпанов (RIG, № 292), также мелких островов Эгейского архипелага Аморгоса (г. Аркесина) (SIG³, № 193), Сифноса (OGIS, № 730), Коса (RIG, № 427), Фасоса (RIG, № 493), наконец, Делоса (SIG³, № 500). Напротив, в декретах о проксениях приморских торговых городов специально оговаривается так же, как и в ольвийских декретах, сверх того право беспошлинного ввоза и вывоза. Формулы о беспошлинном ввозе мы находим, например, в декретах городов Эретрии (SIG, № 348), Кизика (SIG³, № 645), в декрете из Одесса (RIG, № 332), в родосском декрете торговцу из Навкратиса (см. ниже), в декретах малоазийских городов — Эфеса (OGIS, № 10), Эритр (SIG³, № 126), Кимы (RIG³, № 511), Иллиона (SIG³ № 330).

Формулировка, служащая для обозначения обоих этих прав, аналогична и частично тождественна с формулами, в каких они выражены в херсонесских и ольвийских декретах. Формула беспрепятственного въезда и выезда видоизменяется лишь в связи с местоположением города или союза, дающего проксению. Так, в областях и городах, расположенных вдали от морского берега, формулировка иная, чем в приморских городах, например, в декрете Аркадского союза проксену гарантируется безопасность и безущербность в мирное и в военное время: проксену дают *ἀσφαλείαν καὶ ἀσυλίαν καὶ αὐτῶ καὶ χρήμασι ἐν πολέμῳ καὶ ἐν εἰρήνῃ* (RIG, № 191); такую же формулировку находим мы и в акарнанском декрете (SIG³, № 669) и в других декретах. В тех случаях, когда город находился на морском берегу, мы имеем формулировку, почти тождественную с формулировкой херсонесских и ольвийских декретов: *εἰσπλοῦν καὶ ἐκπλοῦν καὶ ἐν πολέμῳ καὶ ἐν εἰρήνῃ ἀσυλεῖ καὶ ἀσπονδεῖ καὶ αὐτοῖς καὶ χρήμασι*¹. Наконец, в тех случаях, когда город был одинаково доступен и с суши и с моря, безопасность и неприкосновенность имущества обеспечивается одинаково при въезде и с суши и с моря².

¹ См. декрет о. Коса (RIG, № 427), ср. декрет о. Сифноса (OGIS, № 730), декрет Византия (RIG, № 535), а также декреты Одесса и других городов, в которых гарантия безопасности приплытия и отплытия связывается с правом беспошлинного ввоза и вывоза.

² См. аргосский декрет (RIG, № 535, 1), ср. SIG³, № 348 (Эретрия) и RIG, № 446 (г. Аптера на Крите).

Такой же стереотипной фразой, тождественной с формулой ольвийских декретов, обозначается и право беспошлинного ввоза и вывоза: ἀτέλειαν πάντων χρημάτων ὧν ἔν εισάγῃ ἢ ἐξάγῃ. Иногда дается несколько более распространенная формула, специально отмечающая торговую цель ввоза и вывоза. Так, в одесском декрете (RIG, № 332) добавляется специальное указание о ввозе и вывозе ἐπὶ κτήσει, в пфлонском декрете дается право беспошлинной продажи и торговли на городском рынке (ἀτέλειαν ὅτι ἔν πωλῶσιν ἢ ἀγοράσωσιν) (SIG³, № 330). В других случаях, например в декрете из Приэны (OGIS, № 215), право беспошлинного ввоза и вывоза, напротив, ограничивается исключительно потребностями собственного домашнего хозяйства¹.

Особенно отчетливо различное значение обеих формул, обычных в херсонесских и в ольвийских декретах, выступает на примере двух проксений, почти одновременно данных в конце V в. родосцами (линдийцами) двум жителям Навкратиса, из которых один, очевидно, был крупным торговцем, другой же — эгиптянин, поселившийся в Навкратисе и выполнявший роль переводчика (очевидно, при торговых сношениях с египтянами)². Первому дается право беспошлинного ввоза и вывоза в мирное и в военное время, причем декрет о даче ему проксении выставлен был в храме Афины в Линде и в общегреческом святилище Эллении в Навкратисе, второй же получает только право въезда и выезда (ἔσολι καὶ ἄσπονδι) в военное и мирное время.

Как содержание мотивировочной части проксенических декретов Херсонеса, так и стереотипная формула их заключительной, резолютивной части определенно свидетельствуют о том, что дача проксений в Херсонесе не была связана с торговыми интересами города и не имела торгового значения и назначения. Таким образом, проксенические декреты Херсонеса, при всей их многочисленности, не могут служить показателем обширности его внешних торговых связей и сношений. К такому же заключению приводит нас и рассмотрение данных о характере и значении проксений, получавшихся самими гражданами Херсонеса. Почти все известные нам проксены херсонесцев связаны с центральным греческим святилищем — храмом дельфийского Аполлона; вспомним, что Дельфы принимали известное участие в основании Херсонеса³. В 263—260 гг. херсонесец Сокрит, сын Кратона, получил проксению в Дельфах наравне с гражданами 15 других городов (BSH, LII, 1928, стр. 189—191). В списках дельфийских проксенов, охватывающих почти тридцатилетний период времени (197/6—170/69 гг.), под 195/4 и 192/1 гг. также значатся три херсонесских проксена (SIG³, № 585, 1, стк. 20 и 56), тогда как из представителей других городов Северного Причерноморья мы встречаем здесь только одного пантикашейца (там же, стк. 23). И в том и в другом случае проксенические связи, устанавливавшиеся между Херсонесом и Дельфами, имели своей целью обслуживание дельфийских феоров (послов, оповещавших греческие города о времени начала празднеств) и были, таким образом, обусловлены исключительно религиозно-культурными связями, соединявшими Херсонес с Дельфами⁴.

¹ Ср. декрет Магнесии на Меандре, дающий фокейцам право ввоза и вывоза, но со специальной оговоркой, что они вывозят лишь для нужд собственного, частного хозяйства (SIG³, № 941).

² Первый из этих декретов издан Е. М. П р и д и к о м, Греческие надписи из коллекции В. С. Голенищева, ЖМНП, 1908, январь, под № 12; второй — см. IG, XII, 1, № 760 = SIG³, № 110.

³ А. И. Т ю м е н е в, Херсонесские этюды, ВДН, 1938, № 2, стр. 252 сл.

⁴ См. А. И. Т ю м е н е в, Херсонесские этюды, ВДН, 1938, № 2, стр. 273 сл. Следует заметить, что дельфийские проксении обуславливались не только требова-

Помимо дельфийских проксений херсонесцев, можно указать лишь единичные проксенические декреты, данные херсонесцам. Во время раскопок в Ольвии летом 1949 г. была обнаружена верхняя, начальная часть декрета в пользу херсонесца Дионисия, сына Тагона¹, содержащая мотивировку дарования проксении, именно, указание на услуги, оказывавшиеся Дионисием, приехавшим в Херсонес гражданам Ольвии. Возможно, таким образом, что декрет этот свидетельствует о существовании известных торговых связей Ольвии с Херсонесом. Однако и этот декрет может служить лишь еще одним подтверждением пассивного характера внешней торговли Херсонеса. Известен далее еще декрет Каллатиса, дающий права проксена херсонесцу Пасиаду, сыну Геродота (II в. до н. э.) (RIG, № 333). Мотивировка этого декрета составлена в общих выражениях, и, конечно, издание его менее всего могло иметь в виду какие-либо торговые интересы. Известно, что Каллатис был второй колонией, основанной Гераклеей, и, таким образом, связи, соединявшие его с Херсонесом, были, вероятно, такого же политического характера, как и связи с их общей метрополией, и оживление этих связей во II в. до н. э., возможно, обусловлено было тревожными обстоятельствами этого времени.

Сопоставляя эти данные с данными о проксениях, полученных гражданами Ольвии, мы и в этом случае получаем совершенно иную картину. Помимо упоминавшегося уже выше фрагментарного декрета Херсонеса на имя ольвиополита и помимо ольвиополита, получившего в 262—260 гг. проксению в Дельфах в числе представителей других 15 городов, расположенных по пути к Понту и по его берегам (BSH, LII, 1928, стр. 189 сл.), нам известны еще проксении, данные ольвиополитам косцами в III в. до н. э. (IOSPE, I², № 77) на имя Посидея ольвиополита (от декрета сохранились лишь ничтожные фрагменты), тенедосцами — ольвиополиту... сыну Посидея (IOSPE, I², № 78), и византийцами — Оронту, сыну Абаба, в половине I в. н. э. (IOSPE, I², № 79). Любопытно, что первые два декрета косцев и тенедосцев даны, повидимому, представителям одной и той же фамилии Посидеев. Сопоставление с Посидеем, сыном Посидея, игравшим видную роль при дворе скифских царей в Неаполе во второй половине II в. н. э., напрашивается само собою (возможно, что лицо, получающее проксению от тенедосцев, тождественно с этим Посидеем). Из всех этих данных в свою очередь можно сделать заключение о той видной роли, какую семья Посидеев играла во внешней торговле Ольвии².

Наиболее распротраненную и показательную мотивировку дачи проксении находим в декрете византийцев, относящемся к I в. н. э., т. е. ко времени возрождения Ольвии после гетского разгрома. Уже отец Оронта, о котором идет речь в этом декрете, Абаб, получил от византийцев проксению, унаследованную Оронтом, причем декрет, констатируя этот факт, отмечает в то же время как собственные заслуги Оронта, так и заслуги его отца: «Так как Оронт Ольвиополит, сын Абаба, мужа первенствовавшего не только в отечестве, но и во всем понтийском народе и возвысившегося до известности Августам и городу византийцев, принесшего много

ниями культа. Дельфы, владевшие богатейшей из всех греческих храмов сокровищницей, имели во всех крупных центрах проксенов в качестве своих коммерческих и финансовых агентов. Именно такие крупные торговые центры располагали в Дельфах, как видно из упоминавшегося списка дельфийских проксенов, наибольшим числом проксений: Александрия имела 11 проксений, Родос — 9, Афины — 7, Массалия 4, Хиос и Коринф — по 3.

¹ Эта новая надпись готовится к изданию Е. И. Леви, любезности которой я обязан ознакомлением с ней.

² Те же данные могут служить лишь дополнительным подтверждением происхождения Посидея, сына Посидея, известного по надписям из Неаполя, из Ольвии, а не с Родоса, как иногда полагают.

пользы в общественных нуждах и в покровительстве приезжающим («плывущим») в торговую гавань (εἰς τὸ ἐμπόριον — sic!), и сам, унаследовав от отца как все остальное, так и благосклонность к народу [византийцев] и проксению, выделяется, по свидетельству всех приплывающих в Понт граждан, [своим] человеколюбием и заботливостью, и, прибыв в [наш] город, вел себя достойно во все время пребывания [у нас] и внушил еще большие надежды народу и частным лицам». Несмотря на свойственный этой эпохе приподнятый риторический стиль этой надписи, все же она может служить вполне определенным свидетельством в пользу того, что и в эпоху после гетского разгрома возродившаяся в значительно более скромных размерах Ольвия тем не менее и теперь оставалась прежде всего торговым городом. Отец Оронта и он сам оказывали содействие гражданам Византии, приезжавшим в Ольвию, и в то же время сами предпринимали поездки в Византию. Обращает на себя внимание также и тот факт, что в Ольвии получали право гражданства лица, очевидно, иноземного происхождения (судя по именам, Оронт и его отец Абаб были сирийцы), факт, также свидетельствующий об обширных торговых связях Ольвии¹.

¹ С византийским декретом на имя Оронта можно сопоставить ольвийский декрет об увенчании Феокла, сына Сатира (IOSPE, I², № 40), которому, между прочим, ставится в заслугу, что он «гостеприимством к эллинам превзошел своих предков», и в увенчании которого участвовали, помимо самой Ольвии, ряд других городов — Никомидия, Никея, Гераклея, Византий, Амастрия, Тиан, Пруса, Одесс, Томы, Истрия, Каллатис, Милет, Апамея, Херсонес, Боспор, Тира, Синоп. Надпись эта, относящаяся к концу II в. н. э., показывает, что и в эту позднеримскую эпоху Ольвия все еще оставалась прежде всего торговым городом. От другой, аналогичной надписи об участии в увенчании какого-то лица тех же городов (IOSPE, I², № 41) сохранился лишь незначительный фрагмент, содержащий часть начальных строк.